

ПОВЕСТЬ О ВОСЬМИ ТРУБАЧАХ

*Польские военнопленные 1812–1813 годов в Сибири**

Пребывание военнопленных участников наполеоновских походов в России слабо отражено в мемуарной литературе Польши, что долгое время ограничивало возможности историков в изучении этой волны польских вынужденных миграций. Хенрик Мостицкий в 1923 году отмечал, что мы мало знаем о судьбах тысяч поляков, взятых в плен в 1812–1813 годах и отправленных в российские степи, Сибирь, к Белому морю и на Кавказ¹. За последнее десятилетие ситуация несколько изменилась. Уже 190-летний юбилей 1812 года стал поводом для активизации изучения судеб пленных участников Великой армии в различных регионах Российской империи. В частности, Б. П. Миловидов проанализировал волнения пленных в Ишиме, заговор поляков в Томске и Тобольске, осветил историю появления нормативных актов об отправке пленных поляков на окраины Российской империи, описал взгляды чиновников различного уровня на поляков². Но всё же ряд вопросов остаётся открытым. Как относилась сибирская администрация и местное население к польским военнопленным, можно ли говорить о процессе обрусения наполеоновских воинов — эти вопросы мы попытаемся осветить ниже.

Западносибирская администрация начала готовиться к приёму солдат наполеоновской армии с начала марта 1813 года, когда узнала о воле Александра I направить военнопленных поляков в Ишим для укомплектования войск на Сибирской линии. Для начала Петербург решил навести справки о уже проживающих в Сибири ссыльных поляках. Таковых оказалось немного. В Тобольске под надзором полиции находился Мартин Звершковский, вольный человек из поляков, присланный в 1811-м, но за какое преступление — неизвестно. В Томской губернии состояли на жительстве под присмотром отставной майор Маркловский, служивший в Екатеринославском гренадерском полку, отставной штабс-капитан Горчинский и игрок Кришлинский. Все они были присланы сюда в числе прочих иностранцев при предписании главнокомандующего от 26 августа 1812 года, но за какое преступление, неизвестно³.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-31-00214а1 «История и культура поляков Западной Сибири в 18–20 вв.».

Правила транспортировки пленных к месту службы, выработанные губернаторами и руководством Сибирского казачьего войска совместно с центром, подробно описаны тобольским историком В. С. Сулимовым⁴. Имея в распоряжении чуть более полугодя, сибирские власти смогли проработать многие вопросы, связанные с перемещением арестантов, их охраной, снабжением пленных одеждой и продуктами питания. Складывается ощущение, что в данном случае власти справились с задачей гораздо лучше, чем во второй половине XIX века, когда за Урал массово высылались участники Польского восстания 1863–1864 годов. При этом основные вопросы, связанные с перемещением поляков, как и в 1860-х годах, легли на плечи гражданских губернаторов, особенно тобольского гражданского губернатора действительного статского советника и кавалера Франца Абрамовича фон Бриана (1761–1844), городничих и командующего войсками на Сибирских казачьих линиях генерал-лейтенанта Григория Ивановича Глазенапа (1751–1819). Транспортировка пленных осуществлялась на средства казны, с использованием сил армии, полиции, земских и гражданских властей, а также обывателей, обязанных предоставлять подводы. Пленным назначалось пособие с учётом звания, причём разница в сумме была довольно значительной: генералам выдавалось по 3 рубля в сутки, полковникам и подполковникам — по полтора, майорам — по рублю, обер-офицерам — по 50 копеек, унтер-офицерам, рядовым и нижним нестроевым чинам — по 5 копеек. Деньги выдавались на 7 дней вперёд. Были также предусмотрены ежедневно на каждого человека 10 копеек квартирных, но эти деньги не выдавались на руки, а оставались у сопровождающего партию офицера⁵.

Военнопленные прибывали в Сибирь с пулевыми, штыковыми и сабельными ранениями, о чём свидетельствует описание примет поступающих в казачьи войска поляков. О плохом состоянии здоровья сибирская администрация знала ещё во время их транспортировки. Пленных размещали отдельно «в очищенных» от обывателей квартирах, не позволяя общаться с местным населением, чтобы избежать распространения болезней. Городская и

земская полиция должна была принимать больных из партий и направлять их в больницы, обязывая уездных медиков иметь за ними «должный присмотр и рачительное врачевание»⁶. После выздоровления полиция отсылала пленных вслед за партией.

Данные о численности военнопленных Великой армии, оказавшихся на территории Сибири, сильно разнятся. Этнограф С. В. Максимов полагал, что за участие в Наполеоновских войнах в Сибири оказалось около 900 пленных, сосланных, главным образом, в омские батальоны⁷. Сибирский краевед А. А. Магерамов на основе материалов омского архива составил список военнопленных, проходивших службу в Сибирском казачьем войске, из 1250 человек⁸. К сожалению, список не содержит, кроме имён и фамилий, никаких персональных данных, поэтому сложно судить, насколько точно он отражает реальную ситуацию.

Из рапорта Глазенапа от 19 сентября 1813 года мы узнаём, что в Ишим прибыли 25 офицеров и 949 пленных нижних чинов. Офицеры были разосланы по сибирским линиям в разные места под надзор крепостных и частных командиров, в каждое место по одному. Нижние чины были разделены на части: 425 человек, служивших в польской кавалерии, распределили по 10 казачьим полкам на сибирских линиях, а 498 человек, служивших в инфантерии, зачислили в пехотные полки и батальоны 30-й дивизии. 20 человек, которые из-за ран, болезней и старости не могли нести службу, были определены в инвалидные команды. Без распределения в Ишиме остались 5 человек, один из которых умер в городской больнице⁹.

12 октября 1813-го Глазенап препроводил в войсковую канцелярию Сибирского линейного казачьего войска список польским военнопленным, назначенным сюда для прохождения службы¹⁰. Список содержал 426 человек, которые вскоре должны были прибыть в Омск с подробными указаниями, сколько человек, какого звания и в какой полк необходимо было зачислить. В полки пленные зачислялись достаточно равномерно, по 28–37 человек, из которых большинство были рядовыми. В каждом полку оказалось не более трёх вахмистров и примерно столько же унтер-офицеров. Только в 5-й полк было

зачислено значительно больше поляков: 111 человек (9 вахмистров, 2 сержанта, 8 унтер-офицеров, 1 капрал, 83 рядовых и 8 трубачей). Кроме того, 15 человек были направлены в артиллерию, 9 человек — в резервные полки.

К списку генерал-лейтенант приложил подробные инструкции, как обращаться с новым контингентом. Полковым командирам рекомендовалось бдительно наблюдать за поведением пленных, разделить их во всякий редут по несколько человек и в одном месте не держать большого числа поляков. Переписку между пленными надлежало прекратить, позволить только подавать по команде письма, представлять их к самому Глазенапу незапечатанными для отсылки главнокомандующему в Санкт-Петербург¹¹. Эти мероприятия вполне укладываются в схему обращения с польскими ссыльными XIX века: бдительное наблюдение, рассеивание среди местного населения и контроль над перепиской.

Интересно, что Глазенап пытался проявить некоторую гибкость, стараясь примирить поляков с их нынешним положением и даже перевоспитать. Он рекомендовал «исподволь и кротким обхождением приохочивать к службе»; стараться всеми мерами склонять поляков «ко вступлению в вечное подданство, и кто объявит желание немедленно приводить на верность к присяге, без чего никак не позволять вступать в обязанности супружества». Обучать экзерциции с умеренностью, но непременно занимать и доводить к познанию военной дисциплины, требовать от пленных безмолвного во всём послушания и приличным обращением внушать доверенность и почтение к начальникам¹². Военнопленный Мельхиор Витковский вспоминал, что поляки, служившие в отдалённых деревнях, терпели множество бедствий от войскового начальства, но в Омске Глазенап не позволял офицерам распоряжаться поляками и наказывать без его ведома¹³.

Следующий список пленных поляков, определённых в сибирское казачье войско, был составлен Глазенапом 20 октября 1813 года, видимо, уже после прибытия партий в Омск, и содержал 438 фамилий. Приток в город военнопленных продолжался весь 1813-й и начало 1814 года, но прибывающие партии были значительно меньше по объёму¹⁴.

В июне 1814 года Глазенап писал о том, что в сибирское войско поступило на службу 2459 пленных поляков¹⁵. Но где они оказались на службе, не совсем понятно... Кто-то мог умереть в первые месяцы плена и «выпасть» из делопроизводительной документации. Глазенап упоминал лишь о 15 пленных, умерших до июня 1814-го, но подозревал, что таковых было гораздо

больше, ибо полковые и батальонные командиры в ежемесячных рапортах показывали поляков в числе других умерших солдат и выделить их отдельно практически невозможно¹⁶. Не исключено, что около 1500 военнопленных, не обнаруженных в документах войскового хозяйственного правления, были направлены на службу не в казачьи полки, а в линейные батальоны, и документация об их службе отразилась в иных архивных фондах.

Мы смогли собрать и обработать сведения о 569 военнопленных, оказавшихся на службе в Западной Сибири¹⁷. Кроме данных о возрасте, происхождении, религиозной принадлежности, семейном положении, родителях, месте рождения и проживания, сословии, документы содержат информацию о служебной карьере военнопленного (с какого года он находился в службе, в каком звании, в каких военных кампаниях участвовал) и его образовании (умение читать, писать, знание языков). К сожалению, списки содержат мало информации о жизни военнопленных в Сибири. Мы можем узнать только дату причисления в сибирское войско, место службы, сведения об отпусках и штрафах и присяги на верность российскому императору.

Подавляющее большинство пленных (67%) принадлежало к молодёжи в возрасте от 21 до 30 лет. Практически все были холостыми. Большинство начало свою службу с 1806 по 1809 год (70%). Только шестеро до службы в польском войске успели «пнюхать пороха» в составе французской, прусской и австрийской армий. К 1812-му званию унтер-офицера имели только около 20 поляков, капрала — семеро. Остальные прибыли в Сибирь рядовыми. Все пленные участвовали в военной кампании 1812 года против России, более 30 процентов из этого числа участвовали дополнительно в кампаниях против иных государств: Австрии, Пруссии, даже Франции. Иногда военный опыт поляков оказывался достаточно внушительным.

70 процентов военнопленных представляли собой лица низших сословий: мещане и крестьяне. Но среди оставшихся 30 процентов шляхтичей большую часть составляли бедные дворяне, не подтвердившие собственного происхождения, не имеющие ни собственности, ни крестьян.

70 процентов пленных не умели ни читать, ни писать, но более половины из них могли говорить не только на польском, но и на русском языке. То, что знание русского языка уместнее связывать с жизненным в основном военным опытом поляков, а не с их образованием, подтверждает тот факт, что даже хорошо образованные пленные (например, Юзеф Грабовский, Андрей Валчинский и Юзеф Цглецкий) по-

русски могли только говорить и не владели навыками письменной речи. «Нетвёрдо говорит по-русски» — фиксировали чиновники в списках против большинства польских фамилий.

Польские исследователи З. Вуйчик и А. Кучинский пишут, что военнопленные участники Наполеоновских войн «не оказали ощутимого влияния на цивилизацию территорий, расположенных на восток от Урала»¹⁸. Наиболее известны прибывшие в составе 4-й партии восемь трубачей: Ян Голомбецкий и Юзеф Хан, Валентий Райковский, Францишек Квятковский, Якуб Марцинковский, Валентий Вианский, Шимон Павловский и Игнатий Флек¹⁹. По данным З. Либровича, поляки создали в Омске оркестр, который своими концертами снискал повсеместное признание. Некоторые из них поступили на службу и в короткий срок дослужились до ранга офицеров. Квятковский основал школу трубачей, снабжавшую музыкантами все казачьи полки²⁰. Участники омского оркестра, вместе с другими пребывающими там поляками внесли в культурный климат Омска живительную ноту, почтя своим присутствием дома российской интеллигенции²¹. Многие из польских музыкантов остались в Сибири, отказавшись от возвращения на родину. Очевидный музыкальный талант переходил по наследству от отца к сыну, и «до последнего времени среди сибирских казаков можно было встретить музыкантов — потомков польских трубачей»²².

Служба в казачьих войсках создавала возможность тесного взаимодействия поляков с русскими солдатами. Армия использовалась в качестве своеобразного плавильного котла в течение всего имперского периода, помогая усваивать язык, обычаи, социальные нормы нового государства. Польский военнопленный 1812 года, выйдя в отставку, возможно, имел значительно больше шансов «осибирячиться», чем водворённый на землю участник Польского восстания 1863–1864 годов. Первым шагом на пути к «осибирячиванию» стало принятие российской присяги. Указом императора от 4 июля 1813 года военнопленным было разрешено присягать на подданство России. Но гражданским губернаторам вменялось соблюдать осторожность, «дабы сим случаем не могли воспользоваться иногда люди вредные или подозрительные»²³. Список о вступивших в вечное российское подданство по 6-му казачьему полку от 15 января 1814 года содержал 6 человек²⁴. Список от 9 января 1814-го по 8-му казачьему полку включал 24 человека²⁵. Из 90 поляков, служивших на 1 марта того же года в 4-м казачьем полку, присягу не приняли

только двое: Григор Фёдорович и Станислав Лонтинович²⁶.

Принятие присяги позволяло обрести благосклонность начальства и давало возможность для более быстрой карьеры. Антон Белоскурский принял российское подданство 21 ноября 1813 года. «Уважая поступление его в вечное России подданство, принятие на верность присяги и за расторопность» Глазенап произвёл Белоскурского в младшие урядники²⁷. Юзефа Зарембо, принявшего подданство 14 марта 1814-го, по рекомендации и. д. войскового атамана гвардии Броневского произвели в младшие урядники. Присягнувшего унтер-офицера Доминика Навродского «за ревностное усердие в службе и склонение товарищей своих на верноподданство России» произвели в пятидесятники²⁸. Соответственно был возможен и обратный процесс, когда военнопленные, не принявшие присягу, подвергались давлению со стороны войскового начальства. Уже известный нам Витковский, проходивший службу в омской крепости, отказался принимать присягу и сразу впал в немилость фельдфебеля и других российских офицеров, хотя ранее пользовался их благосклонностью как дворянин²⁹.

Благодаря общей амнистии 1815 года пленные поляки получили возможность вернуться на родину. Виктория Сливовская полагает, что добровольно осталось в казаках 160 человек³⁰. Документы омского архива фиксируют, что на 6 марта 1823 года в сибирском линейном казачьем войске состояло 127 военнопленных поляков, которые добровольно поступили на службу и приняли присягу на вечное подданство России. Некоторые из них находились в службе, а часть — в отставке и по большей части уже имели жён и детей. Сверх того, в Сибири оставалось 15 иностранцев³¹. То есть всего в Сибири весной 1823-го оставалось 142 бывших наполеоновских воина. Это количество продолжало уменьшаться в связи с отъездом солдат на родину. Например, только в ию-

ле 1823 года в Варшаву был отправлен состоявший в верхнеудинской инвалидной команде рядовой из польских уроженцев Андрей Семёнов³².

В 1824 году управляющий Министерством иностранных дел по просьбе австрийского посланника стал ходатайствовать о дозволении возвратиться в отечество бывшим военнопленным австрийским подданным, находившимся в Омске при училище Сибирского казачьего войска, которых якобы против воли удерживали в России. По повелению государя сибирские власти опросили находящихся на службе в Сибирском казачьем войске поляков на предмет того, хотят ли они вернуться на родину. Дольше всего длилась переписка с командиром 4-го полка войсковым старшиной Ребровым. Состоящие в 4-м полку в числе уволенных от службы семеро поляков — Валентей Костылок, Осип Цыцельской, Антон Климер, Иван Домогальской, Станислав Вылотцкой, Осип Хронетовский и Иван Кузьминский — просили отдать каждому по одному малолетнему сыну и только в таком случае соглашались вернуться на родину. Когда им этого не разрешили, военнопленные согласились остаться в Сибири навсегда³³. Список желавших вернуться в монархию Габсбургов включал 15 человек³⁴. К ним стоит прибавить Камера Якубовского и Иосифа Щепова, переписка о которых велась раньше.

Проблем не возникло только с холостыми поляками: урядником Рогутским, казаками Калиновским, Дубановским, Якубовским и Щеповым. Им сразу было позволено возвратиться домой. Казакам же, женившимся в России и имевшим детей (Осипу Мазуркевичу, Юзефу Мату, Яну Роговскому, Гавриле Норычу³⁵), Александр I не разрешил оставить службу, так как дети их должны принадлежать казачьему войску, а разлучать детей с родителями сочли неудобным. Восьмерым казакам, женившимся в России, но не имевшим детей, было позволено возвратиться только в том случае, если их жёны согласятся

следовать за мужьями. Отпуск в польские земли одним мужьям без жен должен был расторгнуть их брак, а это противоречило православным церковным законам. В результате покинуть Сибирь формально мог только Алексей Буянович, супруга которого согласилась покинуть Сибирь. Ян Андреевский с 3 октября 1825 года находился в бегах. А жёны поляков Ивана Шрейдера, Мацея Червинского, Михайла Лельковского, Каспера Каветского, Мартына Ходаковского и Матвея Юркевича ехать с мужьями не согласились. Понять сибирячек нетрудно. Анна Ивановна, супруга Ходаковского, говорила, что на её решение повлияло большое расстояние предполагаемого пути и наличие ближней родни в Петропавловске³⁶. Позднее Шрейдер и Червинский всё же смогли уговорить супруг выехать в польские земли. А вот Матвей Юркевич сам изменил своё решение. Первоначально он жаждал покинуть Сибирь, но не мог это сделать из-за нежелания супруги следовать в польские земли. А после смерти жены, когда формально Юркевич мог вернуться на родину, он наоборот выразил желание остаться у могилы своей сибирской избранницы³⁷.

9 мая 1826 года командующий Сибирским линейным казачьим войском полковник Безносиков отработовал Броневскому, что военнопленные поляки, возвращающиеся в своё отечество, собраны и готовы к походу³⁸.

Таким образом, из 1200 участников наполеоновских походов, служивших в Сибирском казачьем войске, после 1825 года осталось чуть более 10 процентов. Остальные 90 процентов — это те, кто вернулся на Родину или умер в Сибири с 1813 по 1825 год. Можно предположить, что оставшиеся поляки в большинстве были женаты или имели в Сибири детей. Думается, что вполне реально отыскать посредством метрических книг хотя бы третью часть этих наполеоновских воинов и более тщательно проследить их судьбу в Сибири.

г. Омск

Примечания

1. Mościcki H. Polacy w niewoli rosyjskiej w r. 1812//Mościcki H. Pod znakiem orła i rogoni. Lwów; Warszawa 1923. S. 106.
2. Миловидов Б. П. Военнопленные поляки в Сибири в 1813–1814 гг.//Военнопленные в эпоху наполеоновских войн//http://www.adjutant.ru/captive/mil07.htm.
3. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 160. Л. 71, 73–73 об.
4. Сулимов В. С. Подготовительный этап отправки в Сибирь пленных поляков в 1813 г.//Путь в Сибирь//http://www.library.ikz.ru/georg-steller/materialy-iv-mezhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi.
5. Witkowski M. Pamiętnik prostego żołnierza z lat 1812–1816//Źródła historyczno-literackie. T. II. Pamiętniki z lat 1792–1849. Wrocław. 1961. S. 49.
6. Сулимов В. С. Указ. соч.
7. Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej

8. diaspor. Zestawienia, martyrologia i sukces cywilizacyjny polaków. Rys historyczny. Antologia. Kraków. 2007. S. 75.
9. Магерамов А. А. Военнопленные Великой армии на службе в Сибирском линейном казачьем войске//http://artofwar.ru/m/maa/text_0140.shtml
10. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2985. Л. 1–1 об.
11. Государственный исторический архив Омской области (ГИАО). Ф. 66. Оп. 1. Д. 44. Л. 15–19.
12. Там же. Л. 13 об.
13. Там же. Л. 13 об.–13 а.
14. Witkowski M. Op. cit. S. 61.
15. Например, 29 ноября 1813 г. на службу в сибирское линейное казачье войско были приписаны приведенные из Ишима унтер-офицером Козловым 30 военнопленных поляков, позднее ещё двое//ГИАО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.
16. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3167. Л. 28; Бессонов В. А., Миловидов Б. П. Польские

17. Миловидов В. П. Указ. соч.
18. Мулина С. А., Крих А. А. Поляки в Западной Сибири. Последняя треть XVIII — первая треть XIX веков: Биографический словарь. Омск. 2013. С. 58–178.
19. Кучинский А., Вуйчик З. Ожидания и свершения. Цивилизаторская деятельность поляков в Сибири (XVII–XIX вв.)//Сибирь в истории и культуре польского народа. М. 2002.
20. ГИАО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Л. 15–19.
21. Librowicz Z. Polacy w Syberii. Kraków. 1884//Biblioteka Zesłańca. Wrocław. 1993. S. 80–81.
22. Kuczyński A. Op. cit. S. 75.

22. Librowicz Z. Op. cit. S. 81.
23. ПСЗРИ. Собрание (1649–1825). Т. 32 (1812–1814). № 25415. С. 593.
24. ГИАО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Т. 2. Л. 182–184.
25. Там же. Л. 216.
26. Там же. Л. 155–166.
27. Там же. Д. 46. Л. 14.
28. Магерамов А. А. Указ. соч.
29. Witkowski M. Op. cit. S. 56–57, 62.
30. Śliwowska W. Polscy zesłańcy polityczni na Syberii w pierwszej połowie XIX wieku. Mity i rzeczywistość//Przegląd Wschodni. 1991. T. 1. Z. 2. S. 239–266.
31. ГИАО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 93. Л. 7–8.
32. Там же. Л. 6.
33. Там же. Л. 16–19.
34. Там же. Л. 17–18.
35. Там же. Л. 37 об.
36. Там же. Л. 48–48 об.
37. Там же. Л. 67.
38. Там же. Л. 71–72.